нальное мастерство. Специалист выходит на новый уровень овладения профессией, применяя инновацию – внедренное новшество, которое качественно меняет систему осуществления его деятельности и, как следствие, профессиональную модель мира. В то же время не стоит преуменьшать значение стабилизирующих форм поведения, без которых субъектам профессионального пространства не на что было бы опереться.

Таким образом, и модель «стимул-реакция», и рефлексивная модель имеют право на существование, взаимно дополняя друг друга. Творчество не означает глобального разрушения привычного, поэтому, как и стереотип, может и не предполагать полной стагнации. Важна возможность и подготовленность к переходу из одного состояния в другое, а значит, и доступность их обоих. Тогда и развитие в профессии субъекта государственной службы и, как следствие, готовность всей системы к развитию и усвоению инноваций будут обеспечены «изнутри», за счет активности, инициативы и ответственности каждого.

### Литература


1. *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М.: «Когито-центр», 2009.
2. *Грановская Р.М.* Психологическая защита. СПб.: Речь, 2007.
3. *Лефевр В.А.* Рефлексия. М.: «Когито-центр», 2003.
4. *Гордеев М.Н.* Классический и эриксоновский гипноз. М.: Психотерапия, 2008.
5. *Александров Е.О.* Взорванный мозг. Посттравматическое стрессовое расстройство. Клиника и лечение. Новосибирск: Издательство «Сибвузиздат», 1992.
6. *Алиев Х.М.* Ключ к себе. Разблокирование скрытых возможностей. М.: Вече, 2008.


конкурс аспирантских работ

# АРАБСКИЕ СТРАНЫ В ПОИСКЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ


**Анатолий БАРКОВСКИЙ**
**аспирант РАНХиГС при Президенте РФ**


К началу XXI в. правящие круги большинства арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки подошли к осознанию необходимости поиска новых стратегических решений ряда проблем, которые во всей своей сложности обозначились еще в середине прошлого века, но приобрели особую значимость в условиях ускоряющейся глобализации. Как и тогда, с повестки дня не сходит вопрос о выходе этих стран на рубежи современного прогресса. Но теперь такой выход равнозначен преодолению отставания арабского мира не только от индустриально развитого Запада, но также от той наиболее продвинутой группы западных государств, где на основе «инноваций в области науки и образования, высокой креативности субъекта деятельности, использующего разнообразные мировые потоки информации», сформировалось постиндустриальное общество [1].

Как бы ни различались арабские страны по уровню политического, социально-экономического развития, присупая к проработке и реализации обновленческих реформ, все они пребывают под действием сходных в своей основе внешних и внутренних факторов. С одной стороны, западные державы, прежде всего США, всемерно побуждают арабские страны к «демократическому транзиту», отождествляемому с установлением многопартийной системы, проведением свободных парламентских выборов, защитой прав человека, с либерализацией экономики на базе рыночного хозяйствования и приватизации. С другой стороны, для многих из этих государств характерны вспышки порой весьма бурных столкновений «тех групп, которые ориентируются на дальнейшее обновление политического пространства, и тех, кто выступает с позиций консерватизма» [2]. Главную же особенность противоборства составляет то, что позиции его участников в настоящее время во многом определяются осмыслением опыта 50-60-х гг. прошлого столетия, когда ряд арабских, равно как иных стран третьего мира, придерживались стратегии «догоняющего развития», копируя западные модели модернизации государства и экономики.

Теоретическим обоснованием указанных моделей занималась группа американских и западноевропейских ученых. В их представлении суть модернизации сводилась к преобразованию традиционного (доиндустриального) восточного общества в современное (индустриальное). Данный процесс должен был происходить в форме эволюционного развития, индуцируемого изнутри (посредством реформ, которые осуществляет государство в законодательно регламентированных формах), а также извне (в виде западной помощи).

В основе философско-политических воззрений теоретиков модернизации находилось представление об однолинейно-поступательном характере развития мирового исторического процесса, а также о том, что его единственным и абсолютным двигателем являются научно-технические и культурные достижения Европы. Что касается неевропейского мира, в том числе восточного, то ему надлежало следовать по пути бесповоротного разрыва с «традиционным прошлым», ранее проторенному европейцами и отмеченному такими событиями, как промышленный переворот в Англии, французская и американская революции.

Последующая реализация «модернизационной парадигмы» на Востоке состояла в проведении там по примеру Европы централизации местных административных структур, индустриализации, наконец, в организации современной системы образования, а также системы санитарии и гигиены. Предполагалось, что по мере перенимания западных политических институтов и форм социальной организации восточное общество будет выходить из состояния традиционной замкнутости на семейно-клановых связях. Ускорение темпов модернизации Востока напрямую связывалось с созданием светских политических институтов, развитием товарно-денежных отношений в аграрном секторе, переходом кочевых племен к оседлости. Наряду с освоением достижений европейской политической и этической мысли все это должно было обеспечить вхождение восточного общества в эпоху демократии и либерализма [3].

Между тем в 70-х – начале 80-х гг. прошлого столетия в полосу структурного кризиса стремительно попадали именно те арабские, равно как и иные развивающиеся страны, которые ранее следовали стратегии «догоняющего развития». Своеобразным откликом на кризисные явления в экономике, рост социальной напряженности явилась едва ли не повсеместная активизация идейно-политической жизни. Довольно скоро развернулось противостояние двух группировок. Первая включала в себя исламистов, лидеры которых приписывали себе способность «исламского» решения всех проблем современности в случае прихода к власти и последующей

реставрации «государства ислама» времен пророка Мухаммеда. Вторая группировка была представлена сторонниками ориентации на освоение мирового опыта рационализации системы государственного управления, а также общественного устройства по тем сущностным характеристикам, которые находились в основе продвижения западноевропейских государств и США по пути конституционализма и демократии. Но при этом оговаривалась неприемлемость для стран и регионов традиционного распространения ислама тех проектов модернизации и демократизации, где не предусмотрена мера их должной сбалансированности с национальной культурой и ее духовно-религиозным компонентом.

Вступая в конфронтацию с исламистами, лидеры второй группировки (в их числе были видные ученые, специализировавшиеся главным образом в области философии, юриспруденции, культурологии) четко обозначили отличие собственной позиции относительно «наследия ислама» от исламистской. В противовес исламистам, выступавшим за тотальное «возрождение» раннеисламских устоев и порядков, была выдвинута концепция избирательного подхода к наследию ислама. В изложении видного египетского философа Фуада Закариа, ее суть состояла в том, чтобы поддерживать лишь те элементы наследия, которые поныне не утратили своей жизненной силы и способны оплодотворять современную мысль и культуру арабского мира. Делая упор на нравственно-ценностное достояние исламской цивилизации, изобличая исламистов в тенденциозно политизированной интерпретации ислама, лидеры антиисламистского противостояния делали многое для того, чтобы «мыслящая публика» осознала грандиозность предстоящей «социально-политической трансформации», равно как и «гигантской работы» по ее соотнесению с «основополагающими религиозными принципами», по превращению наследия исламской цивилизации в духовно-культурный ресурс и оплот как модернизации, так и демократизации арабских стран [4]. Государство объявлялось «локомотивом перемен», позволяющим удерживаться «на плаву» в условиях глобализации, не поступаясь своим духовно-культурным достоянием.

Хотя на исходе XX в. исламистские выступления происходили во многих из этих государств, в центр их идейно-политической жизни заметно смещалась проблематика, касавшаяся судеб арабо-мусульманского мира в условиях глобализации. Ведущие позиции в ее разработке в настоящее время занимают специалисты в области экономики, зачастую имеющие опыт практической работы в данной сфере. Деятельность нового поколения арабских теоретиков характеризует, с одной стороны, преемственность основных идей предшественников, с другой – дальнейшее развитие этих идей применительно к усиливающейся взаимозависимости различных стран и регионов в глобальном масштабе. Ими ставится вопрос о том, что в условиях глобализации нельзя медлить с продолжающимся отставанием арабских государств от Запада, что потеря времени невосполнима и чревата конечным попаданием отстающих в «аутсайдеры» мирового политического процесса. Едва ли не единственный шанс избежать такой участи связывается с вступлением этих стран на путь устойчивого демократического развития. Подчеркивается, что арабское общество сможет использовать внутренние ресурсы саморазвития лишь при наличии представительного парламента, честного судейства, свободной прессы, при непреложной ответственности всех чиновников за их деятельность, при создании условий, способствующих если не ликвидации, то существенному снижению коррупции. Важнейшей предпосылкой экономического роста признается «ответственное и компетентное управление государством». В ходе конкретизации этого понятия особо выделяются такие индикаторы, как неиспользование правящим режимом ислама в политических целях, способность властей вести в диалог с обществом с тем, чтобы своевременно предотвращать конфликтные ситуации, не доводя дело до вмешательства «внешних сил».

Ставка на развитие рыночной экономики сочетается с проработкой проблем, касающихся приобщения мусульманских масс к современному миропониманию и образу жизни; повышения образовательного уровня, продолжительности и качества жизни людей с тем, чтобы они могли эффективно распорядиться своими силами и способностями к труду, к иным видам созидательной и конструктивной деятельности; превращения людских ресурсов в человеческий капитал, т. е. сообщество носителей разнообразных профессиональных знаний и навыков, применяемых в воспроизводственном процессе.

Согласно заключению видных отечественных арабистов А.О. Филоника и А.И. Вавилова, особое значение придается вовлечению «национального бизнеса и сложившейся вокруг него среды в более продуктивную деятельность с масштабным производственным компонентом. Такой подход обусловлен не только чисто хозяйственной потребностью». Его политический подтекст состоит «в том, чтобы, повышая удельный вес промышленности, сковать общество жестким порядком современного индустриального производства», привязать национальный капитал исключительно к реальной экономике и отвлечь людские массы от экстремистских лозунгов, расширив занятость. Во всем этом видится возможность «перехода к более зрелой экономической стадии развития, отвечающей национальным интересам и соответствующей новой модели хозяйственной организации мира» [5].

Проявляя озабоченность общим состоянием дел у себя на родине, отдельные представители арабской научной и общественной мысли на исходе XX в. поставили вопрос не только о смене парадигмы в общемировом развитии, темпы и содержание которого определяет техногенная цивилизация Запада, но также о поиске альтернативной модели модернизации арабского мира. Обосновывая необходимость таких перемен, А.А. Алави, одно время занимавший пост министра финансов в Ираке, отметил ряд угроз, которые по ряду направлений представляют для всего человечества феномен свободного рынка и его ценности. Это не только безмерное раскручивание человеческих потребностей и безудержный индивидуализм вкупе с хищническим отношением к природе и ее богатствам, но также риски, которые обусловлены внедрением финансовых инструментов, полностью не связанных с реальной экономикой [6].

Выступая против иностранного вмешательства во внутренние дела развивающихся стран, против навязывания им западных моделей модернизации, многие арабские ученые-экономисты полагают необходимым освоение технологий современного бизнеса при одновременном использовании конструктивного потенциала национальной культуры. Особое значение придается не только сложившимся в исламе традициям делового партнерства и трудовых отношений, но и их этико-ценностной составляющей. Среди исламских добродетелей особо выделяются умеренность в потребностях и «срединность» как стремление избегать крайностей. Отмечается, что согласно исламу запрещены сделки, не связанные с реальной экономикой, не допускается извлечение разного рода «лихвы» в форме ростовщичества, спекуляции и т. п.

Апелляция к арабо-мусульманским ценностям – неизменный атрибут современных официальных проектов обновленческих реформ в арабском мире. Показателен тот факт, что на встрече министров иностранных дел арабских стран, состоявшейся в Тунисе в 2004 г., ставился вопрос не только о межгосударственном сотрудничестве при комплексной разработке стратегии экономического, социального и гуманитарного развития. Оговаривалась необходимость налаживания партнерства между арабским миром и мировым сообществом на основе общей приверженности ценностям толерантности и умеренности, ценностям солидарности и мирного сосуществования.

**Литература**

1. *Лось В.* В поисках национальной стратегии устойчивого развития // Государственная служба. 2011. № 2.
2. *Сапронова М.А.* Политический процесс в арабских странах. М.: МГИМО-Университет, 2008.
3. *Пантин В.И.* Волны и циклы социального развития. Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М.: Новый век, 2003; Smith B.C. Understanding third world politics: Theories of political change and development. L.: Macmillan, 1996.
4. *Fouad Zakariya.* Laïcité ou islamisme. Les arabes á l`heure du choix. Paris; Caire: La decouverte; Al-Fikr, 1991.
5. *Филоник А.О., Вавилов А.И.* Саудовская Аравия. Поиски внутренней гармонии. М., 2004.
6. *Alawi Ali A.* The crisis of Islamic civilization. New Haven; London: Yale University Press, 2010.

# СОВЕЩАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ПРИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

**Гузель ГАРИФУЛЛИНА**

**аспирантка кафедры интегрированных коммуникаций факультета прикладной политологии НИУ «Высшая школа экономики»**

Нынешнее тысячелетие ознаменовалось появлением при органах исполнительной власти РФ большого количества новых структур – общественных, консультативных, экспертных советов, рабочих групп. Неоднородные по своим функциям и носящие разные наименования, они обладают одним общим свойством: это совещательные органы, чьи заключения носят рекомендательный характер и участниками которых являются представители внешних для правительственных структур групп. Декларируемой целью создания таких органов является повышение общественного участия в выработке мер государственной политики, за которые отвечают различные ведомства. Для лучшего понимания их роли в государственном управлении полезно обратиться к опыту стран, где подобные институты существуют уже давно.

**Великобритания**. В марте 2009 г., в соответствии с официальным отчетом, при департаментах и министерствах Великобритании существовало 405 консультативных структур в статусе «публичных органов» (кванго) [1]. Еще в 1926 г. Д. Фэйрли описывал создание консультативных комитетов при администрации как относительно новый феномен в британской политике. По его свидетельству, комитеты стали создаваться в начале XX в., множество временных структур было создано также во время Первой мировой войны для решения неотложных задач, которое взяло на себя правительство. В межвоенное время новые комитеты учреждались актами соответствующих ведомств [2].

Несколько десятилетий позднее, оперируя понятием «стиль принятия решений» (policy style), Дж. Ричардсон и Э. Джордан в работе «Процесс принятия политических решений с большим количеством участников: размышления о британском и европейском опыте», опубликованной в журнале «Политические науки» № 15 в 1983 г., дают свое объяснение развития системы консультативных органов в Великобритании. С их точки зрения, особенностями британского стиля является приверженность консультациям и переговорам, стремление к достижению консенсуса – пусть даже ценой затягивания принятия решения. Они особо подчеркивают, что подобная институционализация – способ сделать проблему переговорной, избежать риска (предприняв все необходимые усилия для поиска решения) и конфликтов.

На два основных фактора развития консультативной системы в Великобритании обращают внимание также Д. Гринвуд и Д. Уилсон. Во-первых, работа правительства предполагает все больше технической, специализированной информации, для получения которой необходимо широко вовлекать внешних экспертов. Во-вторых, растущий интервенционизм правительственного курса требует консультаций с заинтересованными сторонами – и потому, что последние чувствуют, что имеют право быть услышанными, и потому, что их сотрудничество необходимо для успешной реализации принятых решений [3].

Таким образом, причинами возникновения и бурного развития системы консультативных органов в Великобритании исследователи называют рост сферы государственного вмешательства (как кратковременный – в условиях войны, – так и долгосрочный), особенности политической культуры, ее ориентированность на консультации и консенсус, а также растущую потребность правительства в специализированной информации из-за усложнения внешней среды.

**Франция**. К 2009 г. в стране насчитывалось 545 комитетов и комиссий, официально принадлежащих к категории «административные структуры консультативного характера» и включающих представителей администрации и заинтересованных групп.

Исследователи отмечают, что эти консультативные структуры используются в условиях этатистского государства формально и принятие решений происходит на более высоком уровне – с учетом «общего интереса», так, как его понимают политики. «Конфликтная» политическая культура Франции и центральная роль государства во многом предопределяют недоверие представителей последнего к частным интересам даже в рамках созданных государством консультативных структур. Государственные деятели стремятся использовать эти структуры для получения необходимой информации и отделять ее от выражения интересов. И в целом, по признанию исследователей, принятие государственных решений во Франции чаще основано на политических и идеологических мотивах, чем на технократически обоснованных и рациональных доводах [4].

Таким образом, во Франции, в условиях доминирования государства и его стремления ограничить работу в консультативных органах чисто экспертной оценкой предлагаемых решений, отделить ее от выражения частных интересов, консультативные структуры становятся для участников в первую очередь площадкой взаимного информирования. Их влияние на принятие решений минимизировано в том числе и тем, что даже приводимые рациональные доводы не обязательно будут убедительны – правительство принимает решения, основываясь на собственных представлениях о целесообразности.

**США**. Система совещательных органов в США включает около 900 консультативных комитетов при различных ведомствах, в 2009 г. в них заседало около 63 000 человек [5]. Комитеты могут создаваться Конгрессом, самими агентствами либо напрямую президентом. Подобные структуры существовали с первой трети XX в., их появление связано с ростом сферы государственной политики в годы Первой мировой войны и Великой депрессии.

В официальном реестре консультативные комитеты подразделяются на следую-